

УДК 347.4

DOI: 10.34670/AR.2026.25.84.021

Контрсанкционное законодательство как проявление суверенизации частного права: классификация ограничений свободы договора по критерию времени действия

Ершов Андрей Александрович

Аспирант,
кафедра гражданского права,
Челябинский государственный университет,
454001, Российская Федерация, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: brodrus@yandex.ru

Аннотация

Предмет исследования – российское контрсанкционное законодательство как особый слой ограничений свободы договора. Цель работы – определить место контрсанкционного регулирования в системе ограничений договорной автономии и предложить его классификацию. Методологическую основу составляют формально-юридический, историко-правовой и системный методы. В результате обосновано, что контрсанкционные меры представляют собой проявление суверенизации частного права, предложены периодизация их развития и классификация ограничений по критерию времени действия – на постоянные и ситуативные (временные). Область применения результатов – нормотворчество и правоприменительная практика. Новизна состоит в выработке цивилистической классификации контрсанкционных ограничений и критериев их допустимости. Сделан вывод о необходимости основанного на принципе соразмерности подхода и о целесообразности принятия единого «стержневого» нормативного акта.

Для цитирования в научных исследованиях

Ершов А.А. Контрсанкционное законодательство как проявление суверенизации частного права: классификация ограничений свободы договора по критерию времени действия // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 159-167. DOI: 10.34670/AR.2026.25.84.021

Ключевые слова

Свобода договора, суверенизация частного права, контрсанкционное законодательство, трансграничные санкции, специальные экономические меры, соразмерность, гражданское право, методология исследования, государственная политика.

Введение

Масштабное применение иностранными государствами трансграничных санкций в отношении Российской Федерации повлекло активное формирование национального контрсанкционного законодательства [Гармашова и др., 2020; Петрова, 2022]. Его развитие отражает более общую тенденцию современного правового регулирования – суверенизацию частного права, под которой понимается усиление роли публично-правовых средств в регулировании отношений, традиционно относившихся к сфере автономии воли участников оборота. Конституционную основу этой тенденции образуют положения статьи 75.1 Конституции Российской Федерации об экономической солидарности, а также общее правило части 3 статьи 55 о допустимости ограничения прав в конституционно значимых целях.

Актуальность темы предопределена не только масштабом введенных ограничений, но и их беспрецедентной динамикой: нормативные акты принимались и изменялись в режиме оперативного реагирования, что породило обширный и внутренне противоречивый массив регулирования. Для гражданского оборота это означает повышенную правовую неопределённость, преодоление которой невозможно без научного осмысления природы и системных свойств контрсанкционных ограничений [Петрова, 2022].

Цель настоящей статьи – определить место контрсанкционного законодательства в системе ограничений свободы договора и предложить его классификацию, пригодную для гражданско-правового анализа. Методологически важно подчеркнуть, что, несмотря на публично-правовую форму, контрсанкционные меры порождают именно гражданско-правовые последствия – изменяют содержание, валюту, порядок и сам способ исполнения договорных обязательств [Мансуров, Бельдина, 2023], что и обуславливает цивилистический ракурс настоящего исследования.

Понятие и правовая природа суверенизации частного права

Суверенизация частного права проявляется в том, что государство публично-правовыми средствами вторгается в сферу договорной автономии, ограничивая свободу выбора контрагента, предмета и условий договора в целях обеспечения экономического суверенитета и стабильности оборота [Брагинский, Витрянский, 2011; Кешнер, 2015]. В отличие от классических частноправовых ограничений, имманентных самому гражданскому обороту, контрсанкционные ограничения имеют внешнее, реактивное происхождение: они вводятся в ответ на недружественные действия иностранных государств и носят выраженный инструментальный, целеориентированный характер.

Принципиально важно отграничить суверенизацию частного права от смежных явлений. Она не тождественна простому расширению императивного регулирования: речь идёт о целенаправленном использовании публично-правовых инструментов для защиты национального экономического интереса в трансграничных отношениях. В отличие от традиционных пределов свободы договора, рассчитанных на стабильные условия оборота, контрсанкционные ограничения носят чрезвычайный, реактивный характер и адресованы конкретной внешнеполитической ситуации [Кешнер, 2015].

В цивилистической литературе суверенизация рассматривается как закономерная реакция национального правопорядка на использование иностранными государствами частноправовых по форме, но публично-правовых по существу инструментов давления [Кешнер, 2015; Крицкий,

2019]. Признание этого позволяет анализировать контрсанкционные меры не как случайный набор запретов, а как формирующуюся подсистему правового регулирования предпринимательских отношений, обладающую собственной логикой и целями.

Характерной чертой суверенизации выступает возрастание роли публичного права в регулировании отношений, формально остающихся частноправовыми. Если классические пределы свободы договора – императивные нормы, требования добросовестности, публичный порядок – встроены в саму ткань гражданского законодательства [Брагинский, Витрянский, 2011; Карапетов, Савельев, 2012], то контрсанкционные ограничения вводятся внешними по отношению к Гражданскому кодексу актами и подчиняют договорную автономию задачам государственной экономической политики. Это не отменяет частноправовой природы соответствующих отношений, но существенно изменяет соотношение частных и публичных начал в их регулировании.

В доктрине справедливо отмечается, что подобное усиление публично-правового начала не является исключительно российским явлением и представляет собой общемировую реакцию правопорядков на фрагментацию международного экономического пространства [Крицкий, 201]. Вместе с тем именно в условиях санкционного давления суверенизация приобретает интенсивный и системный характер, что ставит перед цивилистической наукой задачу определения её допустимых пределов.

Дополнительный конституционный импульс суверенизации придали поправки 2020 года: получило закрепление правило о приоритете Конституции Российской Федерации над решениями межгосударственных органов в их истолковании, противоречащем Конституции (статья 79). Как отмечают О.А. Голикова и А.И. Сальникова, это изменило баланс во взаимодействии национального и международного права и создало конституционную опору для национально ориентированного регулирования трансграничных отношений [Голикова, Сальникова, 2024].

Суверенизация частного права тесно связана с переосмыслением соотношения международного и внутригосударственного права. Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью правовой системы; вместе с тем поправка 2020 года установила, что решения межгосударственных органов, принятые в истолковании, противоречащем Конституции, в России не исполняются. В доктрине подчёркивается, что данный механизм не отрицает международного права, а определяет пределы его действия во внутреннем правопорядке [Голикова, Сальникова, 2024]. Применительно к договорной сфере это означает, что приоритет конституционно значимых ценностей способен ограничивать действие иностранных правовых режимов и санкционных предписаний.

Периодизация контрсанкционного законодательства

Формирование контрсанкционного законодательства Российской Федерации происходило постепенно. Период возникновения (2001–2013 годы) связан с принятием базовых нормативных актов о специальных экономических мерах, прежде всего Федерального закона от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ. Период становления (2014–2021 годы) ознаменовался началом практического применения ограничительных мер и принятием Федерального закона от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств».

Период становления заслуживает отдельного внимания: именно в 2014–2021 годах сформировалась базовая институциональная инфраструктура контрсанкционного реагирования – были определены полномочия органов по введению специальных экономических мер, апробированы отдельные ограничения и накоплен первый опыт их судебного применения. Этот период подготовил почву для последующего интенсивного развития регулирования, что подтверждает эволюционный, а не одномоментный характер суверенизации частного права.

Период интенсивного развития (2022–2023 годы) характеризуется беспрецедентным по объёму массивом указов Президента Российской Федерации и актов Правительства, оперативно вводивших специальные правовые режимы; период относительной нормализации (с 2023 года) связан с систематизацией ранее принятых мер. Реактивный, «догоняющий» характер такого регулирования объективно порождает его фрагментарность и терминологическую неопределённость, что подтверждает необходимость его научной систематизации [Санкции 2022, 2022].

Формирование контрсанкционного законодательства в режиме оперативного реагирования породило ряд системных проблем. Во-первых, это фрагментарность регулирования: специальные правовые режимы вводились разрозненными актами различной юридической силы – федеральными законами, указами Президента, актами Правительства и правительственной комиссии, – что затрудняет их системное толкование. Во-вторых, это терминологическая неопределённость: ключевые понятия, такие как «недружественное государство» или «контрсанкционные меры», не получили легального определения и раскрываются преимущественно через подзаконные акты и перечни. Преодоление этих недостатков требует научной систематизации и, в перспективе, законодательной консолидации [Санкции 2022, 202211].

Контрсанкционные механизмы как ограничения свободы договора

Наиболее показательными механизмами контрсанкционного регулирования, непосредственно ограничивающими свободу договора, выступают специальные правовые режимы, введённые в 2022 году. Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 года № 81 установлен разрешительный порядок совершения отдельных сделок с лицами недружественных государств; Указом от 5 марта 2022 года № 95 – особый порядок исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами посредством зачисления средств на специальные счета типа «С»; Указ от 8 сентября 2022 года № 618 распространил разрешительный порядок на сделки с долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью.

Перечисленные механизмы непосредственно ограничивают все три элемента договорной свободы: свободу выбора контрагента (необходимость получения разрешения правительственной комиссии), свободу определения условий (императивно установленный порядок расчётов) и свободу исполнения (зачисление средств на специальный счёт вместо платежа кредитору), что прямо сказывается на договорной ответственности и судьбе обязательства [Добровинская, 2021]. Самостоятельным проявлением суверенизации в процессуальной сфере выступает статья 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, закрепившая исключительную компетенцию российских арбитражных судов по спорам с участием подсанкционных лиц и тем самым ограничившая свободу выбора юрисдикции в трансграничных договорах.

Значимым инструментом суверенизации выступает и валютное регулирование. Требования о репатриации и обязательной продаже валютной выручки, ограничения на трансграничное перемещение капитала и операции с иностранной валютой напрямую затрагивают порядок исполнения денежных обязательств по внешнеэкономическим договорам. В отличие от точечных запретов, валютные меры носят общий характер и воздействуют на широкий круг участников оборота, что усиливает их значение как элемента контрсанкционного режима.

Особого внимания заслуживает гражданско-правовая природа режима специальных счетов типа «С». Зачисление должником денежных средств на такой счёт признаётся надлежащим исполнением денежного обязательства перед иностранным кредитором, однако сам кредитор лишается свободного доступа к этим средствам. Тем самым обязательство юридически прекращается исполнением, но экономический интерес кредитора остаётся неудовлетворённым, что порождает сложный вопрос о соотношении формального и реального исполнения трансграничных денежных обязательств [Мансуров, Бельдина, 2023].

Гражданско-правовой эффект контрсанкционных актов проявляется и через общие нормы обязательственного права. Изданные в порядке суверенизации указы и акты правительственной комиссии выступают актами органов публичной власти, делающими исполнение обязательства полностью или частично невозможным, что в системе Гражданского кодекса соотносится со статьёй 417 ГК РФ о прекращении обязательства на основании акта органа государственной власти. Так, разрешительный порядок, установленный Указом Президента Российской Федерации от 8 сентября 2022 года № 618 для сделок с долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью, не только ограничивает свободу заключения договора, но и при отказе в выдаче разрешения способен повлечь невозможность исполнения уже принятых обязательств. Тем самым публично-правовое предписание трансформируется в гражданско-правовое последствие.

Практическое применение статьи 248.1 АПК РФ подтверждает её ограничивающее воздействие на договорную автономию: российские суды признают за подсанкционными лицами право перенести спор в Россию даже при наличии в договоре арбитражной оговорки или пророгационного соглашения в пользу иностранного форума. Тем самым согласованное сторонами условие о подсудности фактически утрачивает силу, а свобода выбора способа разрешения споров — один из элементов договорной свободы в трансграничных отношениях — оказывается существенно ограниченной.

Характерной чертой перечисленных режимов является широкая дискреция правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций, выдающей разрешения на совершение сделок. С одной стороны, индивидуально-разрешительный порядок обеспечивает гибкость реагирования на быстро меняющуюся обстановку; с другой — он привносит в гражданский оборот элемент административного усмотрения и снижает предсказуемость договорных отношений, что само по себе является ограничением договорной свободы и требует чётких, формализованных критериев принятия решений.

Классификация ограничений по критерию времени действия

Анализ контрсанкционного регулирования как разновидности ограничений свободы договора позволяет предложить их классификацию по критерию времени действия. Постоянные

ограничения встроены в систему гражданского законодательства и действуют независимо от конкретной внешнеполитической ситуации (например, общие правила о нормах непосредственного применения и публичном порядке) [Карапетов, Савельев, 2012]. Ситуативные (временные) ограничения, напротив, вводятся на определённый период в ответ на конкретные внешние вызовы и подлежат отмене по мере нормализации обстановки.

Практическое значение данной классификации состоит в том, что она задаёт различный стандарт оценки допустимости ограничений. Если постоянные ограничения оцениваются по общим критериям соразмерности и защиты конституционно значимых ценностей, то ситуативные требуют дополнительного обоснования их временного характера и наличия механизма «обратного хода» — отмены по достижении цели. Наглядным примером ситуативного ограничения служит режим счетов типа «С», тогда как правила статьи 1192 ГК РФ о нормах непосредственного применения представляют собой постоянное ограничение; смешение этих категорий в правоприменении нежелательно.

Дополнительным примером ситуативного ограничения служат меры валютного характера — в частности, введённое в 2022 году требование об обязательной продаже экспортёрами части валютной выручки, которое впоследствии неоднократно корректировалось и смягчалось в зависимости от состояния платёжного баланса. Подобные меры наглядно демонстрируют признак ситуативности: они вводятся, изменяются и отменяются в оперативном режиме, следуя за изменением экономической обстановки [Зараев, 202].

Практическая ценность разграничения постоянных и ситуативных ограничений состоит в различных правовых последствиях их применения. Постоянные ограничения формируют устойчивый правовой режим, на который участники оборота вправе разумно полагаться при планировании договорных связей. Ситуативные же ограничения порождают повышенные риски и потому должны сопровождаться чёткими условиями введения и прекращения, а также, по возможности, переходными положениями, смягчающими их влияние на ранее возникшие обязательства. Отсутствие таких положений приводит к тому, что бремя внезапных изменений регулирования целиком возлагается на участников оборота.

Пределы суверенизации и предложения

Принципиальным является вопрос о допустимых пределах суверенизации частного права. Усиление публично-правового начала оправдано постольку, поскольку оно отвечает требованию соразмерности (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации) и направлено на защиту экономического суверенитета и устойчивости оборота. Однако чрезмерная и бессистемная суверенизация способна подорвать предсказуемость гражданского оборота и доверие его участников, то есть те самые ценности, ради которых она вводится [Зараев, 202].

Следует учитывать, что суверенизация правового регулирования не является исключительно российским феноменом: усиление национального контроля над трансграничными отношениями характерно сегодня для многих правопорядков, реагирующих на фрагментацию мирового экономического пространства [Гармашова и др., 2020; Крицкий, 2019]. Это, однако, не снимает с национального законодателя обязанности обеспечить обратимость ситуативных ограничений: их сохранение после отпадения породивших их обстоятельств превращало бы экстраординарную меру в постоянный элемент правопорядка и

подрывало бы доверие к стабильности гражданского оборота.

Допустимость суверенизации частного права предлагается оценивать по совокупности критериев. Первый — наличие конституционно значимой цели (защита экономического суверенитета, безопасности, прав граждан). Второй — соразмерность вводимого ограничения этой цели, исключающая чрезмерное вторжение в договорную автономию. Третий — временный характер ситуативных мер и наличие механизма их пересмотра. Четвёртый — сохранение судебного контроля за применением ограничений, не допускающего их произвольного расширительного толкования. Соответствие этим критериям позволяет отграничить обоснованную суверенизацию от избыточного огосударствления частного оборота.

На основании изложенного предлагается, во-первых, закрепить на законодательном уровне критерии разграничения постоянных и ситуативных контрсанкционных ограничений, а во-вторых, рассмотреть возможность принятия единого «стержневого» нормативного акта, систематизирующего контрсанкционное регулирование и устанавливающего общие принципы введения, действия и отмены специальных правовых режимов. Реализация этих предложений позволила бы обеспечить баланс между защитой экономического суверенитета и сохранением договорной свободы как базовой ценности частного права.

Реализация предложенных мер предполагает несколько направлений законодательной работы. Необходимо закрепить легальные определения базовых понятий контрсанкционного регулирования, установить иерархию и порядок взаимодействия специальных правовых режимов, а также предусмотреть в самих актах условия и сроки их действия. Перспективным представляется принятие единого систематизирующего акта, который, не подменяя оперативного регулирования, задавал бы его общие принципы и пределы. Такой подход обеспечил бы предсказуемость гражданского оборота при сохранении за государством необходимых инструментов защиты национального экономического интереса.

Библиография

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 847 с.
2. Гармашова Е.П., Дребот А.М., Баранов А.Г. и др. Санкции как меры международного принуждения: основные виды и теоретические подходы к понятию // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 3. С. 649–662.
3. Голикова О.А., Сальникова А.И. Взаимодействие системы национального и международного права Российской Федерации в свете принятия конституционных поправок // Международное право и международные организации. 2024. № 2. С. 83–88.
4. Добровинская А.В. Договорная ответственность в современном гражданском обороте // Образование и право. 2021. № 5. С. 99–104.
5. Зараев П.А. Контрсанкционные ограничения свободы договора // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33, № 4. С. 642–649.
6. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы: в 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. 453 с.
7. Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015. 184 с.
8. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2019. 186 с.
9. Мансуров Г.З., Бельдина О.Г. Невозможность исполнения трансграничных денежных обязательств // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 56–61.
10. Петрова Д.С. Санкции и их влияние на договорные обязательства в сравнительно-правовом аспекте // Образование и право. 2022. № 9. С. 162–168.
11. Санкции 2022: возможности и ограничения реагирующего регулирования со стороны Российской Федерации // Закон. 2022. № 5. С. 18–34.

Counter-Sanction Legislation as a Manifestation of the Sovereignization of Private Law: Classification of Restrictions on Freedom of Contract by the Criterion of Duration of Action

Andrei A. Ershov

Postgraduate Student,
Department of Civil Law,
Chelyabinsk State University,
454001, 129, Brat'ev Kashirinykh str., Chelyabinsk, Russian Federation;
e-mail: brodrus@yandex.ru

Abstract

The subject of the research is Russian counter-sanction legislation as a special layer of restrictions on freedom of contract. The purpose of the work is to determine the place of counter-sanction regulation in the system of restrictions on contractual autonomy and to propose its classification. The methodological basis consists of formal-legal, historical-legal, and systemic methods. As a result, it has been substantiated that counter-sanction measures represent a manifestation of the sovereignization of private law; a periodization of their development and a classification of restrictions by the criterion of duration of action — into permanent and situational (temporary) — are proposed. The scope of application of the results is rule-making and law enforcement practice. The novelty lies in the development of a civil law classification of counter-sanction restrictions and criteria for their admissibility. A conclusion is made about the necessity of an approach based on the principle of proportionality and the expediency of adopting a single "core" normative act.

For citation

Ershov A.A. (2026) Kontrsanktsionnoe zakonodatel'stvo kak proyavlenie suverenizatsii chastnogo prava: klassifikatsiya ogranicheniy svobody dogovora po kriteriyu vremeni deystviya [Counter-Sanction Legislation as a Manifestation of the Sovereignization of Private Law: Classification of Restrictions on Freedom of Contract by the Criterion of Duration of Action]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 159-167. DOI: 10.34670/AR.2026.25.84.021

Keywords

Freedom of contract, sovereignization of private law, counter-sanction legislation, cross-border sanctions, special economic measures, proportionality, civil law, research methodology, state policy.

References

1. Braginsky, M. I., & Vitryansky, V. V. (2011). *Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshchie polozheniya* [Contract law. Book one: General provisions] (3rd ed.). Statut.
2. Dobrovinskaya, A. V. (2021). *Dogovornaya otvetstvennost' v sovremennom grazhdanskom oborote* [Contractual liability in modern civil commerce]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 5, 99–104.
3. Garmashova, E. P., Drebot, A. M., Baranov, A. G., et al. (2020). *Sanktsii kak mery mezhdunarodnogo prinuzhdeniya: osnovnye vidy i teoreticheskie podkhody k ponyatiyu* [Sanctions as means of international enforcement: Main types and

- theoretical approaches to the concept]. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Journal of International Economic Affairs], 10(3), 649–662.
4. Golikova, O. A., & Salnikova, A. I. (2024). *Vzaimodeystvie sistemy natsional'nogo i mezhdunarodnogo prava Rossiyskoy Federatsii v svete prinyatiya konstitutsionnykh popravok* [The interaction of the national and international law systems of the Russian Federation in light of the constitutional amendments]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* [International Law and International Organizations], 2, 83–88.
 5. Karapetov, A. G., & Savelev, A. I. (2012). *Svoboda dogovora i ee predely* [Freedom of contract and its limits] (Vol. 2: Limits on the freedom to determine contract terms in foreign and Russian law). Statut.
 6. Keshner, M. V. (2015). *Ekonomicheskie sanktsii v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Economic sanctions in modern international law]. Prospekt.
 7. Kritsky, K. V. (2019). *Sanktsii i odносторонние ограничительные меры в современном международном праве* [Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law] [PhD thesis]. Moscow.
 8. Mansurov, G. Z., & Beldina, O. G. (2023). *Nevozmozhnost' ispolneniya transgranichnykh denezhnykh obyazatel'stv* [The impossibility of performance of cross-border monetary obligations]. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law], 1, 56–61.
 9. Petrova, D. S. (2022). *Sanktsii i ikh vliyanie na dogovornye obyazatel'stva v sravnitel'no-pravovom aspekte* [Sanctions and their impact on contractual obligations in a comparative legal aspect]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 9, 162–168.
 10. *Sanctions 2022: Vozmozhnosti i ogranicheniya reagiruyushchego regulirovaniya so storony Rossiyskoy Federatsii* [Sanctions 2022: Opportunities and limits of responsive regulation by the Russian Federation]. (2022). *Zakon*, 5, 18–34.
 11. Zaraev, P. A. (2023). *Kontr sanktsionnye ogranicheniya svobody dogovora* [Counter-sanction restrictions on freedom of contract]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 33(4), 642–649.